

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРЕСТУПНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ЖЕНЩИН В СЕМЬЕ

Б.Г. Тугельбаева, А.Д. Хамзаева

С гендерных позиций проанализированы обстоятельства культурного, экономического, социального характера, способствующие формированию преступного поведения женщин в семейных отношениях.

Ключевые слова: семья; социальная (гендерная) роль; экономический потенциал; домашний труд; равенство.

Объясняет преступное поведение в сфере семейных отношений теория противоречий института семьи, сложившаяся в русле одного из направлений российской криминологической науки – криминофамилистики, к основателям которой следует отнести, прежде всего, профессора Д.А. Шестакова. Согласно этой теории социальные противоречия в сфере семьи и отношений между полами имеют существенное значение для воспроизводства преступлений¹. При этом причины преступного поведения в этой сфере Д.А. Шестаков подразделяет на две группы. К первой группе он относит причины, присущие семье во все исторические эпохи ее существования, обусловленные наличием у каждого из членов семьи собственных материальных, физиологических, психологических и иных потребностей, которые не могут быть полностью согласованы с интересами близких, например, половая потребность. Во второй группе – причины, вытекающие из ныне переживаемого семьей переходного периода, которому присущи противоречия между исторически сложившимися

семейными потребностями и возможностями их удовлетворения, например, мужчины не получают дома психологического убежища, женщины – материальной опоры, между теми и другими идет борьба за самоутверждение².

Причины, отнесенные к первой группе, в принципе универсальны и присущи в той или иной степени институту семьи в любой стране. Поэтому наибольший интерес представляют проблемы семейных взаимоотношений, связанные с происходящим в настоящее время изменением содержания социальных (гендерных) ролей, выполняемых в семье различными ее членами. Само содержание социальных ролей в семье, как показывают различные исследования, определяется, прежде всего, культурой и поддерживается образом жизни того или иного народа³.

Например, проводимая в Швеции в целях достижения гендерного равенства политика перераспределения домашних обязанностей между супругами, не встретила особого сопротивления, поскольку в стране сложились определенные гендерные основания – наследование престола не

¹ См.: Шестаков Д.А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации / Д.А. Шестаков // Вестн. ЛГУ. 1976. № 11. С. 116–121; *Он же*. Механизм антисоциального действия криминогенных факторов семьи / Д.А. Шестаков // Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта / под ред. Н.А. Беляева и Д.А. Шестакова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 8–24.

² См.: Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем / Д.А. Шестаков. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 59.

³ См. например: Яркова Е. Культурологические аспекты репродуктивных и сексуальных прав у народов Центральной Азии / Е. Яркова // Механизмы реализации репродуктивных и сексуальных прав человека в Кыргызстане. Бишкек, 2001. С. 28–31.

зависело от пола наследника. Что касается номадической культуры кыргызов, то в силу кочевого образа жизни в ней также сформировались определенные гендерные нормы, например, кыргызские женщины наряду с мужчинами были лихими наездницами, никогда не носили паранджу, отсутствовало затворничество и многие другие ритуалы, разделяющие женщин и мужчин оседлых народов Центральной Азии. Таким образом, гендерные нормы всегда существуют в культуре различных народов, вопрос лишь в том, насколько эффективны они применяются.

Рассматривая внешнюю по отношению к семье среду, следует признать, что события 24 марта 2005 г. и 7 апреля 2010 г., когда происходила смена власти, показали существенную слабость в условиях усложнения структуры социума системы государственного управления в Кыргызской Республике. Это явилось результатом непоследовательности проведения рыночных реформ в экономике, определенной декларативности внедрения принципов демократии, идеологического вакуума в обществе, перманентной нехватки ресурсов. Особо следует отметить стагнацию, охватившую основные институты общества, а также изменение нравственно-моральных норм, усиление влияния клановости, традиций и религии, диффузных процессов в культуре. Все названные факторы серьезно повлияли на рост преступности в целом. В результате это породило множественные разрывы социальной ткани в структуре общества.

Таким образом, внешняя по отношению к семье среда в настоящее время в Кыргызстане достаточно противоречива и нестабильна, что не может не сказаться на внутреннем состоянии семейных отношений, повышении их напряженности и конфликтности. Особенно наглядно это проявляется в изменении коэффициентов разводимости и брачности. Если в 1990 г. ситуация с разводами в Кыргызской Республике выглядела сравнительно неплохо – 18 разводов на 100 заключенных браков¹, то к 1997 г. число разводов достигло 25, затем стабилизировалось на уровне 14–15 разводов на 100 браков². При этом количество официально регистрируемых браков сократилось за прошедшие годы

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Дезорганизация семьи как криминогенный фактор / Н.Ф. Кузнецова // Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта / под ред. Н.А. Беляева и Д.А. Шестакова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 27.

² См.: Женщины и мужчины КР: Сб. гендерно-разделенной статистики. Бишкек, 2001. С.19; 2005. С. 46.

в 1,6 раза. По мнению Г.К. Ибраевой, в постсоветском Кыргызстане усиление роли религии и родовых структур повлияли на то, что роль государства в регуляции брака и семьи критически снизилась³.

Нам представляется, что здесь необходимо учитывать и такие обстоятельства, как изменения в экономическом потенциале семьи и социальном статусе ее членов, а также демографический фактор (внешняя и внутренняя миграция населения), религиозный фактор (распространение религиозных гражданских браков “нике”, юридически не регистрируемых).

Оценка экономического потенциала показала, что в Кыргызстане в затруднительное положение чаще всего попадают семьи, занятые в тех отраслях экономики, где заработная плата ниже. В основном это отдельные феминизированные сектора, такие, как сфера образования или здравоохранения. При этом бедность приобретает в Кыргызстане устойчивые формы, что с криминологической точки зрения весьма опасно. Известно, что когда бедность становится образом жизни семьи и передается из поколения в поколение, то сменяется в целом стратегия выживания таких семей. Она основывается на жестких мерах и насилии, что приводит к росту преступности как в семье, так и вне ее⁴.

Если проанализировать распределение домашнего труда в семье, то здесь явно присутствует гендерная асимметрия. Она направлена в сторону увеличения женского неоплачиваемого труда, который составляет, по мнению многих аналитиков, до 25–40% внутреннего валового продукта (ВВП)⁵. Общая же трудовая нагрузка для работающей женщины достигает в среднем 59 часов в неделю, что поглощает более одной трети (35,1%) недельного бюджета времени женщин⁶.

Игнорирование мужчинами домашнего труда, понимание его как “естественного” продолжения репродуктивной деятельности женщин на фоне фактического переноса функций социального сектора государства на плечи женщин, приводит к ограничению свободного времени и замыканию женщин

³ См.: Ибраева Г.К. Брачные стратегии в Кыргызстане: поколение отцов и детей / Г.К. Ибраева. Бишкек: Салам, 2006. С. 70.

⁴ См.: Шнайдер Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер; пер. с нем.; под ред. Л.О. Иванова. М.: Прогресс, 1994. С. 153.

⁵ См.: Второй периодический доклад КР о выполнении международной Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Бишкек, 2002. С. 4.

⁶ См.: Бюджет времени / ПРООН. Бишкек, 2004. С. 19.

в семейном кругу. Поэтому у женщин меньше возможностей участвовать в оплачиваемой занятости или перспективных средств достижения таковой, например, получения образования. Это, в свою очередь, снижает шансы женщин в улучшении своего экономического и социального положения в обществе, ведет к экономической дискриминации.

Изменение гендерных ролей в семье влечет за собой и изменение типа семьи. Поэтому с точки зрения гендерного анализа важным остается вопрос о том, какой тип семьи характерен для каждого общества и какие гендерные контракты являются в них преобладающими. Исследование феминизации бедности показало, что согласно классификации С. Бабаян¹ в настоящее время в Кыргызстане становятся распространенными следующие основные два типа семей – это традиционная однокарьерная семья (I тип) и нетрадиционная двухкарьерная семья (II тип). Однокарьерная семья характеризуется двумя гендерными контрактами – домохозяйки для женщин и добытчика – для мужчин. В двухкарьерной семье существует гендерный контракт равного статуса, что влечет выравнивание статусов мужчины и женщины в приватной и публичной сферах.

Вместе с тем в Кыргызстане оба типа семей могут иметь свои подтипы, например, наряду со стандартной семьей могут существовать дистанционные, множественные, салонные, неполные семьи. В случае дистанционной однокарьерной семьи гендерный контракт домохозяйки может выполнять также и муж. В последние десять лет в связи с появлением трудовой миграции и развитием таких видов бизнеса, как “челночество”, это стало довольно распространенным явлением в Кыргызстане. Что касается множественной семьи, то она характеризуется многосерийными гендерными контрактами, связанными с наличием нескольких жен. При этом гендерный контракт добытчика для мужчины остается неизменным. В неполных семьях гендерный контракт работающей матери распространяется и на одиноких мужчин, воспитывающих детей самостоятельно. Если в салонных семьях функция воспитания передается наемным работникам (обслуживающий семью персонал), то роль социальной поддержки в стандартных и дистанционных двухкарьерных семьях берут на себя близкие родственники (бабушки, дедушки и др.), которые осуществляют уход за деть-

ми, занимаются их воспитанием и образованием, следят за хозяйством.

В бедных семьях практический жизненный опыт бабушек и дедушек уже не играет прежней большой роли, и акценты явно смещены сторону возможностей материального вклада в воспитание детей. Если этого нет, то старшее поколение не обладает уже достаточным влиянием на принятие основных решений в большой семье, то есть происходит процесс расслоения большой семьи, которая может хорошо сглаживать внутрисемейные конфликты и преодолевать их, благодаря существованию “резерва” доступных и близких лиц, играющих посредническую, умиротворяющую роль в семейных конфликтах. По мнению Г.И. Шнайдера, это приводит к снижению защищенности семьи от потенциальных девиаций². Необходимо отметить, что появление дистанционной и множественной семей также может приводить к определенной конфликтности в семейных отношениях, связанных с мотивами ревности, недостаточного внимания со стороны одного из супругов, в основе которых отмечается и корысть.

Следовательно, можно сделать вывод, что в настоящее время единые базовые контракты для семьи отсутствуют. Многие функции, которые ранее выполняло государство, взяла на себя семья, что привело к возрастанию роли приватной сферы. Появились новые культурные стратегии выживания (например, дистанционная семья), в результате которых в основе гендерных контрактов женщин и мужчин резко возросли экономические составляющие, что на практике может порождать и инверсию указанных гендерных контрактов. Следовательно, реагируя на изменившиеся внешние условия, семья пытается найти свою стратегию выживания, внося адаптивные изменения в семейные отношения.

Данный процесс не проходит безболезненно, поскольку вызывает разрушение ранее усвоенных норм и образцов поведения, вслед за которыми идет процесс постепенного усвоения или выработки новых норм, то есть то, что, по определению А. Гидденса, называют ресоциализацией³. В этой связи, Л.Б. Шнейдер указывает, что в современный период трансформационных перемен ресоциализация наиболее вероятна именно в отношении гендера, и она происходит в связи с попаданием семьи в критическую и нерелевантную ситуацию.

Семья в кыргызском обществе до сих пор часто воспринималась не как самоценная и автономная единица, но как часть родовой группы. Поэтому она всегда тесно связана и многофактор-

¹ См.: Бабаян С. Структурно-конструктивистский подход / С. Бабаян // Материалы Зимней школы “Развитие гендерного образования в постсоветских странах (Стамбул, 31.01.-7.02.2005г.). М., 2005. С. 17–19.

² См.: Шнайдер Г.И. Указ. соч. С. 150.

³ Там же. С. 569.

но контролируется сообществами более высокого ранга – общиной, родом, кланом¹, построенными по мужской линии, развитие которых в постсоветский период получило новый импульс на основе идей национальной самоидентификации.

Все это в значительной степени способствовало активной реанимации традиционных стереотипов поведения, в том числе и возрождению дискриминирующих женщин обычаев (насильственное похищение девушки с целью вступления в брак, договорные браки, ношение паранджи и хиджаба, многоженство), официально объявленных в советское время пережитками прошлого². Распространились и другие формы гендерной дискриминации женщин в семье, связанные с экономическими факторами, например, лишение женщин возможности распоряжаться совместными или собственными доходами и собственностью, получить независимое экономическое положение, учиться и работать. В целом это усиливает несостоятельность женщин и обуславливает их зависимость от мужчин.

Это неизбежно порождает новые противоречия при изменении статуса женщин и мужчин

¹ См.: Гендерная экспертиза нормативно-правовых документов КР: Материалы семинара (Бишкек, 14.05–16.05.2003 г.). Бишкек, 2003. С. 6.

² См.: Байназарова М.Д. Ответственность за доведение до самоубийства женщин на почве пережитков местных обычаев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Д. Байназарова. М., 1986; Байрамов Ф.А. Уголовно-правовая охрана равноправия женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.А. Байрамов. М., 1989.

в современных общественных отношениях, включая семейные, которые в совокупности с другими криминогенными факторами (пьянством, наркотизацией населения, безработицей, растущей теневой экономикой и др.) могут приводить к формированию девиантного поведения и совершению преступлений³.

Поэтому, на наш взгляд, особое значение для профилактики преступности женщин имеет выравнивание возможностей женщин и мужчин, а также оказание помощи семье со стороны государства. С позиции гендерного анализа необходимо отметить, что механизмы выравнивания возможностей женщин (компенсация, ресурсная поддержка, вовлечение в процессы развития, наделение полномочиями, перераспределение ролей), широко используются в других странах для криминологической профилактики женской преступности. Примером этого может служить западная модель равенства женщин и мужчин, которая развивалась в направлении перераспределения домашних обязанностей между супругами, усиления отцовской ответственности, наделения полномочиями женщин, жесткого пресечения фактов их дискриминации в общественной и частной сферах⁴.

³ См.: Тугельбаева Б.Г. Проблемы предупреждения преступного насилия в отношении женщин / Б.Г. Тугельбаева. Бишкек, 2003.

⁴ См.: Баскакова М.Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда / М.Е. Баскакова. М., 1998. С. 16.